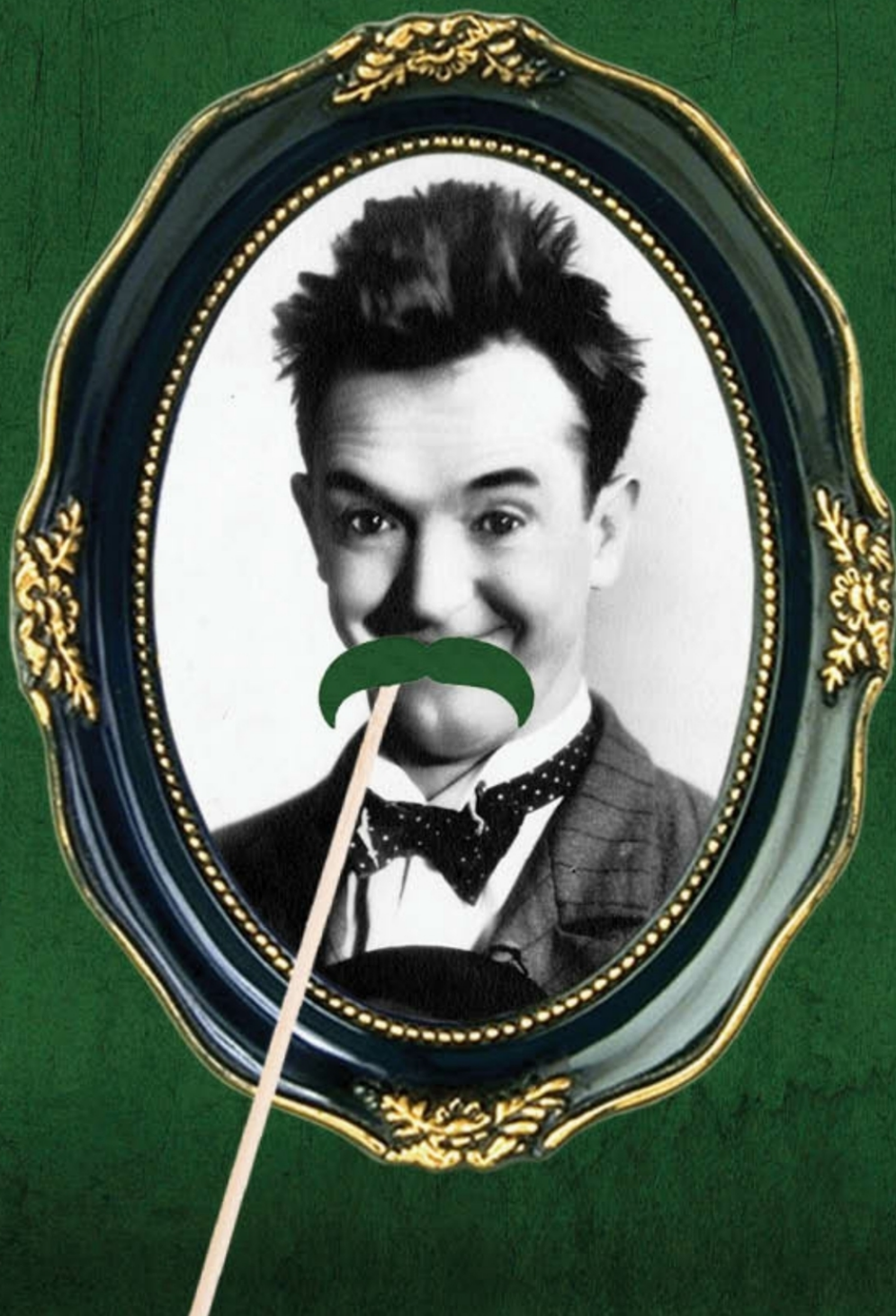

игра в детектив

Сергей Борисов

Похищенный сюжет

12+

Сергей Борисов
Похищенный сюжет

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Борисов С. Ю.

Похищенный сюжет / С. Ю. Борисов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Сейчас детективы издаются во множестве. В том числе принадлежащие перу российских авторов. Встречаются среди них неплохие. Есть хорошие. Однако порой авторы не утруждают себя поиском оригинального сюжета, заимствуя чужие идеи. Отчасти повесть «Похищенный сюжет» из их числа. Оправдывает ее лишь то, что это игра, пародия, шутка. В каждой ее главе читатель встретится с «современным» произведением, которое, возможно, начитанному человеку что-то напомнит. Может быть, он сразу воскликнет: «Ба, да это же...». Не исключено, впрочем, что загадка окажется не такой уж простой. Тогда начало следующей главы подскажет ответ.

Содержание

Глава 1	5
Допрос третьей степени	5
Глава 2	7
Живая трава	7
Глава 3	9
Школьная мудрость	9
Глава 4	11
У кого больше прав?	11
Глава 5	13
Самородок	13
Глава 6	15
Идейные соображения	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Глава 1

Допрос третьей степени

Заправляли в издательстве «Фолиант» люди серьезные. Правда, неопытные. Такое сейчас сплошь и рядом.

Когда Юра решил включиться в борьбу за место редактора отдела детективной литературы, то совершил разведывательный рейд по книжным магазинам столицы. Не забыл и о лотках. Знакомство с продукцией издательства оставило двойственное впечатление. Что касается классики, тут все в порядке. Ничего удивительного: Толстой, Чехов, Драйзер, Золя – эти имена сами по себе знак качества. А вот с детективами в «Фолианте» работать не умели. Незнакомые фамилии, безликие названия романов... Но это – полбеда. В конце концов Корецкий, Леонов, Маринина тоже когда-то были начинающими. Никуда не годилось содержание! Примитив на потребу толпе. Ни единой искорки, способной разжечь пламя читательского интереса. Очевидно, и в издательстве понимали, что в этой сфере у них не все ладно. Иначе с чего бы им искать нового редактора? А предстояло ему ни много, ни мало, а поднять детективы «Фолианта» на должную высоту.

Юра особенно не волновался. Конкуренции не ожидалось. По его сведениям знатоки жанра – Кузьминов, Монахов, Ройфе, Белов, еще человек шесть-семь, – с насиженных мест сниматься не собирались, очевидно, руководствуясь правилом, что «от добра добра не ищут».

В издательство он пришел чуть ли не на 100-процентно уверенный в успехе. В приемной президента «Фолианта» проценты начали стремительно таять. А все секретарь, словоохотливая девушка, за десять минут успевшая рассказать, что он – четвертый соискатель, а на очереди еще двое. И самое тревожное: по ее сведениям одного из побывавших на собеседовании обнадежили...

Ровно в 14.00 – похвальная пунктуальность! – ожил интерком. Приятный баритон поинтересовался, ожидает ли приема некто Камзолкин.

– Да, – коротко ответила секретарь, и Юре почудилось, что сейчас девушка добавит «сэр». Однако обошлось без американизмов.

– Прошу вас!

Юра поднялся и прошел в кабинет.

Президент, как и положено, восседал за столом. Вот только до президента он не дотягивал: молод, лет тридцати двух, и смешинки в глазах. Алексей Никифорович Кочерга. Редкая фамилия.

Напротив, опираясь локтем о подоконник, примостился на стуле коммерческий директор по фамилии Иванов и по имени Иван. По отчеству – Сергеевич. Ничего необычного. Да и внешность рядовая: излишек жира на щеках, стрижка – ежиком, губки – бантиком.

Настроено руководство «Фолианта» было решительно. После анкетных вопросов сразу к сути. И все сдержанно, ни слова лишнего, ни улыбки. Им бы в святой инквизиции работать, дознание вести, чтобы за спиной – дыба, в темном углу – «испанские сапоги». Допрос третьей степени, изъясняясь по-современному.

Прихлопнув ладонью по столу, президент приговорил, то есть – проговорил:

– С официальной частью покончено. Приступим к неофициальной. Приходил тут к нам один... э-э... писатель. Принес рукопись. Нам с Иваном Сергеевичем любопытно было бы услышать о ней ваше мнение.

– Нет проблем, – улыбнулся Юра. – Давайте почитаю.

– Четыреста страниц! – вознес указательный палец Кочерга. – С гаком.

– В два дня управлюсь.

– Долго... – затряс щечками Иванов.

– День.

– М-м...

– Два часа, если по верхам.

– Лучше по-другому, – остановил их препирательство президент. – Вы послушайте, а я вкратце, поелику возможно... Временем располагаете?

– К вашим услугам, – галантною на обходительность ответил Юра, немало удивленный богатством президентской лексики: то засушенный чиновничий канцелярит, то словесная вязь. – Я весь внимание.

Кочерга откинулся на спинку кресла и начал повествование:

– Представьте, живет в глубинке совсем молодой парнишка. Мать умерла; отец – инвалид, еле двигается, а когда-то – о-го-го! В спецчастях служил, был лучшим из лучших, а потом на mine подорвался, посекло его осколками. Комиссовали. Вот он и уехал на родину, в сибирскую деревушку. Сына-школьника сурово воспитывал: учиться заставлял на пятерки и сам учил... Короче, к семнадцати годам пареньку впору было не один – четыре черных пояса вручать. Карате, айкидо, руссбой – всем овладел в совершенстве. Ну, и что ему с таким-то «богатством» в глуши делать? Что ему вообще делать? Работы нет, перспектив – ноль, до армии – год. На что жить? Вот отец и говорит: езжай в Москву, есть там один человек, старый мой приятель, я тебе к нему письмо дам. А человек этот не кто иной, как всемогущий глава Службы президентской охраны! Сказал все это отец сыну и умер. Отец, то есть. Схоронили. И решил парень волю отцовскую исполнить. Выкатили они со старичком-соседом из сарая древний «запорожец», обнялись, и поехал мальчишечка Москву покорять.

Юра повел плечами.

– Не впечатляет? – озаботился Кочерга.

– Отчего же? Занятно.

– Тогда продолжаю... Три дня бороздил парень российские просторы, и вот уже часов пять до столицы осталось, но и ночь недалеко. Свернул он к мотелю придорожному, вытряс все, что в кошелке было, на койку хватило. Перекусил в буфете, вышел во двор подышать. Глядь, «мерседес-600» с дороги съезжает. Дверь открывается, а на сиденье – женщина красоты неопишуемой. И тут откуда ни возмись хмырь лощеный – загар заморский, брюлик на пальце, телохранители по бокам. Идут к «мерсу», а паренек на их пути столбом стоит. Хмырь толкнул его, левый «бык» подсечку сделал, правый – ногой под дых врезал. Парень и отключился. Когда в голове прояснилось, увидел, что хмырь с женщиной из «мерса» разговаривает. Потом дверца чавкнула, колеса взвизгнули – умчалась красавица. А парень на хмыря кинулся. Гордец! Знатно бился, однако отделали его «быки» по первое число. Хорошо хоть не убили.

Юра опять пошевелился.

Президент замолчал.

Коммерческий директор убрал локоть с подоконника. Наклонился:

– И как вам?

– Ничего, – пожал плечами Юра. – Вот только... Может, не стоит мне «...» пересказывать?

Глава 2

Живая трава

– И как вам? – спросил Иванов.

– Ничего, – пожал плечами Юра. – Вот только... Может, не стоит мне «Три мушкетера» пересказывать?

Кочерга расплылся в улыбке, будто Чеширский кот, но в воздухе не растаял, а расхохотался. Коммерческий директор вторил ему мелким дребезжающим смехом.

Угомонившись, президент издательства «Фолиант» сказал:

– Знаете, гоподин Камзолкин, Юрий... Можно вас так называть?

– Пожалуйста.

– В таком случае – Алексей.

Они обменялись рукопожатиями.

Протянул руку и Иван Сергеевич.

– Ваня.

– Юра.

– Уж на что простенький тест, – продолжил Кочерга, – а сыплются на нем, как студенты на сопромате.

– Не все, – заметил Юра, памятуя о претенденте на должность редактора отдела детективов, который, судя по всему, одолел «экзамен».

– Как узнали?

– Агентурные данные.

Коммерческий директор махнул рукой.

– То же мне секрет! Людмила разболтала.

– Никакой конфиденциальности! – с притворным возмущением воскликнул президент. – Секретарь – боец переднего края. А Людмиле разве что в обозе ехать.

– В детали меня не посвящали, – посчитал нужным встать на защиту девушки Юра, кляня себя за неосторожность: подвел человека!

– Потому что они ей неизвестны, – хмыкнул Иванов.

– А вообще-то, – без намека на улыбку сказал Кочерга, – ситуация неутешительная. Каждый мнит себя специалистом! Да, слова складывать умеют. И излагают красиво, умно. А вот с пониманием, что такое детектив, – с этим проблемы. Ни законов его, ни корней, ни прошлого, ни настоящего ведать не ведают. Ну, хотя бы этот тест... Слушали внимательно и потом о чем только не говорили: мол, композиция хромает, персонажи картонные, завязка банальная... А требовалось всего лишь угадать в примитивном боевичке «Три мушкетера».

– А что, и вправду такая рукопись есть? – спросил Юра.

– То-то и оно! Гуськин, писателишка липовый, что сварганил ее, Дюма-отца не пожалев, три своих оковалка нам приволок.

– И все подделки?

– Нет, одна повестушка, действительно, его придумка. Хотя... Взял уголовное дело годичной давности, о нем вся пресса трубила, перекроил и – готово. Халтура невозможная! Хуже газетной статейки.

– А третья вещь?

– О, это что-то! Уж мы повеселились, ее осиливая. Рассказать?

– Интересно. Только... Я никогда не поверю, Алексей, что глава столь мощной фирмы читает все рукописи, попадающие на издательский поток. У вас иных забот хватает. Равно как и у коммерческого директора. Посему вывод: начинается второй раунд моей проверки. Угадал?

Президент ничуть не смутился. А вот щечки Иванова дрогнули.

– Угадали, – спокойно сказал Кочерга. – Гонг! Вань, тебе слово.

Коммерческий директор встал, прошелся по кабинету, снова опустился на стул.

– Тема расхожая. Зомби. Хотя и не совсем. Живиночка есть. Но по порядку... Один российский гражданин вздумал баллотироваться в мэры небольшого приволжского города. И проиграл. А иначе и быть не могло. Не потому, что его противника мафия поддерживала или центральная власть, а просто был он по-настоящему хорошим мужик, крепким хозяином. В городе его знали, любили, вот и выбрали чуть ли не единогласно. И про конкурента его тоже кое-что знали: высокомерный, склочный, злой... Кто ж за такого проголосует? Короче, провалился незадачливый соперник с треском. И совсем озлобился. Из института, где инженером работал, ушел. Устроился в местный краеведческий музей хранителем. Не сказать, что ему там нравилось, но тишина и покой тоже дорогого стоят, особенно если на людей и глядеть-то не хочется! Так и коротал он дни среди экспонатов в запаснике. А потом... Рылся он как-то от скуки в старинных сундуках, перетряхивал тряпье, башмаки стоптанные вековой давности и наткнулся на кожаный кисет. Развязал тесемки, а там семена. Взял он да и посадил их на газончике перед черным входом. И забыл про них. А через месяц из земли трава зеленая-презеленая полезла. За десять дней отмахала в аршин высотой. Хранитель скосил ее под корень, на помойку отнес. А трава только пуще растет. Вырвал он ее, в кучу сложил, бензина плеснул и поджег. Ничего от газончика не осталось – пятно черное, вонь и гарь. Тем бы, может, и закончилась эта история, да ветер занес немного пепла в окно хранилища, а там манекены...

– Откуда они в музее? – спросил Юра. – Чай не магазин.

– Ну, не манекены. Фигуры. Их в разное платье обряжают – кафтаны, поневы: дескать, так выглядела крестьянка такого-то уезда, а вот так – мастеровой, так – стрелец допетровской поры. А при смене экспозиций манекены в подвале отлеживаются... отстаиваются... тьфу, пропасть, и слова-то не подберешь. В общем, попал на них пепел. А фигуры возьми и зашевелились. Хранитель перепугался до смерти да и гаркнул: «Стоять!». Те и замерли. Пару часов бывший инженер в себя приходил, а потом к сундуку бросился – вроде видел там тетрадочку с каракулями... Нашел, стал страницы пожелтевшие листать и вдруг замер: рассказывалось в той тетрадочке о траве, пепел которой способен оживлять неживое. А когда станет неживое живым, то будет слушаться первого, кто к нему с человеческим словом обратится. Приказывай – все исполнит: ни сомнений, ни вопросов, ни задержки. Прочитал все это хранитель и... попробовал: эй, говорит, вы, приберите-ка тут! Говорил и не верил, да и как поверить, ведь морок, бред! Но задвигались фигуры, стали мести, драить, скрести... Чисто зомби. И подумал несостоявшийся мэр: с такими нерассуждающими слугами, с такими подручными он вполне может стать...

– ...властителем города, – перебил коммерческого директора Юра. – Лихо! Но знакомо. Содрать камуфляж, получится «...».

Глава 3

Школьная мудрость

– ...властителем города, – перебил коммерческого директора Юра. – Лихо! Но знакомо. Содрать камуфляж, получится «Урфин Джюс и его деревянные солдаты».

Иван Сергеевич, посмотрел на президента издательства. Кочерга ответил довольной усмешкой.

– Вы правы, – обратился он к Юре. – Конечно, это замечательный детский писатель Александр Волков. Но шельмец-то наш, а? На какую книгу замахнулся! Там у него дальше и Элли – длинноногая москвичка, и Чарли Блэк – отставной полковник, и Железный Дровосек – местный милицейский начальник, и Руф Билан – чинуша-предатель. Никого не забыл, разве что Смелому Льву места не нашлось. Недоработочка... А вообще-то – умелец! Хотя и графоман. И как земля таких носит?

Юра ждал, когда президент «Фолианта» выкипит в своем возмущении до дна. Он разделял негодование Алексея, но придерживал свое мнение при себе. В конце концов проверка его профпригодности еще не закончилась. Или?..

– Должен сказать, Юра, – перешел в иную тональность Кочерга, – хотя один из ваших конкурентов прошел «мушкетерский» барьер, вот этот, «изумрудный», не взял. Правда, есть еще два соискателя, но по нашим сведениям это молодые люди с апломбом, но без какого бы то ни было опыта работы с рукописями. А у вас и здесь все в порядке, уж простите, мы навели справки. Тесты наши вы тоже одолели, так что обсудим детали контракта...

– Нет возражений, – согласился Юра.

О размере оклада он был осведомлен. Сумма его устраивала. И график работы приемлемый. Остальные пункты договора тоже возражений не вызывали. Можно подписывать и с понедельника приступать к исполнению обязанностей редактора отдела детективов.

– Испытательный срок – три месяца, – напомнил Иванов.

Юра кивнул. Обычная практика.

Кочерга встал.

– Хочу представить ваших сотрудников. Не будем с этим тянуть.

Юра беспрекословно последовал за Алексеем. Директор семенил за ними, но в коридоре исчез за дверью с табличкой «Бухгалтерия».

Комната, куда они вошли, была загромождена стеллажами с нестройными рядами разноцветных папок. Кочерга заговорил от порога:

– Девочки, позвольте представить Юрия Максимовича Камзолкина...

И осекся. Комната была пуста. В смысле – безлюдна. Понять это сразу не представлялось возможным, потому что столы «девочек» были укрыты все теми же стеллажами, разгораживающими помещение на некое подобие клетушек.

– Обед, – удрученно констатировал президент.

– Я подожду, – сказал новоиспеченный редактор отдела. – Действительно, не стоит откладывать.

Кочерга взглянул на часы.

– А у меня времени нет. Встреча! Вы уж тут как-нибудь сами... Вот, кстати, ваш стол. Располагайтесь.

Они попрощались, и Кочерга удалился.

Юра подошел к столу. От прочих он отличался тем, что, во-первых, стоял на виду, а во-вторых, был девственно чист. Почти. Прямо посередине сиротливо лежал пухлый скоросшиватель.

Сел в кресло. Удобно. Посмотрел на скоросшиватель. Придвинул его к себе. О, роман... На титульной странице красовалось название: «Оттолкнувшись от дна». Многообещающе. А что внутри? Юра открыл наугад страницу – как оказалось, семидесятую, и начал читать.

«Хотя внимание Олега было поглощено тем, как бы не упустить из виду проводника, однако он успевал и глазеть по сторонам. Более гнусного и жалкого места он еще не видывал. Улица была очень узкая и грязная, воздух насыщен зловонием, за крытыми проходами и дворами виднелись кособокие домишки; пьяные мужчины и женщины шлепали по грязи, а из некоторых дверей крадучись выходили дюжие «братки», отправлявшиеся, очевидно, по делам отнюдь не похвальным и далеко не безобидным».

Юра пролистнул пару страниц.

«Уверившись, что Олег спит, старый барыга вытащил из тайника под полом небольшую шкатулку. Глаза его блеснули, когда он достал из нее великолепные золотые часы «Ролекс», украшенные бриллиантами.

– Ого! – сказал барыга, скривив лицо в омерзительную улыбку. – Умные собаки! Верные до конца! Не раскололись. Не донесли на деда. Да и к чему доносить? Все равно срок не отсрочишь. Да! Молодцы!

Он еще что-то бормотал, а потом вдруг возвысил голос:

– Превосходная штука – смертная казнь! Мертвые не каются. Мертвые ничего не выбалтывают. Ах, и славная это штука для нашего ремесла! Пятерых шлепнули, идиоты, и не подумали, что теперь на остальных точно не выйди».

Еще три страницы.

«И вот наступил день, когда барыга решил испытать Олега.

– Ну-ка, парень, глянь, не торчит ли у меня из кармана платок?

Мальчик кивнул.

– Вытащи его так, чтобы я не заметил.

Олег одной рукой придержал полу пиджака, а другой осторожно вытащил платок.

– Готово? – спросил барыга.

– Вот он! – Олег показал платок.

– Ты ловкий мальчуган, – ощерился старый мошенник. – Из тебя выйдет толк. Ты будешь лучшим в моей школе!».

Еще три страницы.

«Глубоко в человеческом сердце таится страсть *травить кого-нибудь*. Олег напрягал каждый нерв, бежал изо всех сил, чтобы уйти от преследователей, но они все ближе, орут все громче, гикают, режут от радости. Наконец – ловкий удар, и он на земле.

Олег лежал на мостовой, а вокруг бушевала разъяренная толпа».

– Здравствуйте, – донеслось от двери.

– Добрый день, – сказал Юра, поднимая глаза от скоросшивателя.

– Что читаете? – невозмутимо поинтересовалась премилая девушка никак не старше двадцати лет.

– «...» в современной интерпретации.

Глава 4

У кого больше прав?

– Что читаете? – невозмутимо поинтересовалась премилая девушка никак не старше двадцати лет.

– «**Приключения Оливера Твиста**» в современной интерпретации.

– А-а, псевдо-Диккенс! Вот же дичь... Интертрепация! А вы наш новый начальник, да? Здравствуйте. Меня Нина зовут.

– Очень приятно. Камзолкин. Юрий. – Он помешкал и добавил: – Максимович. Что до начальника... Три месяца – не так уж много, чтобы зарекомендовать себя. Могу и оплошать.

– Хуже предшественника вам не быть.

– Откуда такая уверенность?

Девушка прошла в одну из клетушек, села.

– Воинствующая некомпетентность! Не мог отличить Чандлера от Хэммета, Сименона – от Эксбрайя. А все пережитки прошлого. Семейственность! Виктор Эммануилович был тестем нашего главного...

– Алексея? Кочерги?

– Его. Как расстались молодые, так и Кривенцова попросили...

– Что ж в своем коллективе замену не подыскали?

– Если обо мне, так я неуживчивая. Слова не выбираю. Дилетантов на дух не переношу, вот и скандалила с Кривенцовым. И не только с ним.

– Со мной тоже будете?

– Время покажет! Что до иных внутренних резервов... Понимаете, люди у нас в отделе грамотные, в определенных областях подкованные, но... презирающие детективы. А привел их в издательство Кривенцов, ибо воспринимал Виктор Эммануилович «Фолиант» как укромный уголок, где интеллигентный человек может отсидеться до пенсии – при стабильной зарплате и нулевой ответственности. А что выпускали дребедень, так это их нисколечко не волновало.

– И что же они теперь?

– Ждут. Со мной собачатся, хотя люди ужас какие образованные. Все о новой метле толкуют, которая по-новому метет. Вы ею и будете, если, конечно, удержитесь здесь, не подсядут вас, не подставят.

«Уж больно строга ты, девонька», – подумал Юра.

Словно прочитав его мысли, Нина сказала:

– Думаете, преувеличиваю? Или того хуже – наушничаю? В доверие за счет других втираюсь? Но у меня на то право есть, потому что я им те же слова говорю. А у них свое право – вороной меня называть, даром что белой.

Юра пристально посмотрел на девушку. Та выдержала взгляд.

– У меня тоже есть кое-какие права. Как у заведующего отделом. Давайте сменим тему, – предложил-приказал он. – Просветите меня, что на моем столе делает это, с позволения сказать, произведение.

– Это я приготовила. Должен автор придти... Нет, не Диккенс, всего лишь видный московский прозаик Леонид Каменный. Заберет, надеюсь без лишних вопросов. И вот это тоже. – Она вытащила из-под груды бумаг потертый скоросшиватель, разбухший от втиснутых в него листов, и протянула его Юре.

– Что это?

– Очередное великое творение господина Каменного. Какой сюжет! – Нина с деланной восторженностью закатила глаза. – Какая глубина мысли! Не верите? Убедитесь сами. Где закладка...

Юра открыл рукопись в указанном месте. У одного из абзацев стоял начертанный красным фломастером жирный восклицательный знак.

«Дверь с лязгом закрылась. Колотовкин исподлобья смотрел на следователя. Петр Романович прошел к столу, бросил на него пачку дешевых сигарет, достал из кармана зажигалку.

– Закуривайте, Колотовкин, – сказал и сам засмолил сигарету.

Гриша не двинулся с места. Его дешевыми уловками не купишь!

– Ведь вот какая мелочь, – проговорил следователь, – сигареты! Ведь вред, чистый вред! Кашляю, в горле першит, одышка, а бросить не могу. Я тут у врача был, так он твердит, как заведенный: мол, завязывать надо с куревом... А как бросишь? Чем я табачок заменю? Водочкой? Так я не пью. Вот беда-то, хе-хе! Недаром говорят, что все относительно.

Лицо Гриши становилось все мрачнее, а следователь уже успел доказать, что он отличный физиономист.

– Переживаете? Думаете небось: с чего бы это Петр Романович на допрос вызвал? Не о вреде же никотина покалякать! И то правда: не затем я сюда пожаловал, а чтобы объясниться с вами, гражданин Колотовкин. Я так рассуждаю, что для нас откровенность теперь – самое лучшее. Прежде я больше провокациями увлекался, на характер ваш взрывной рассчитывая. Полагал, проговоритесь в запале, вот тогда я вас в угол и загоню! И дожду там. Да, заставил я вас настрадаться, а ведь я не изверг, нет, не изверг. И не хочу я вас более обманывать, поскольку испытываю к вам в некотором роде симпатию. Потому что понимаю, чем вы себя оправдывали, когда на преступление пошли. Спорили с собой, а все-таки пошли!

– Докажите, – буркнул Гриша.

– Докажу, конечно. – Следователь опустил на шаткий стул. – Это у меня раньше только подозрения были, а из подозрений, как из ста кроликов лошадь, доказательства не составишь. Мудрые все же люди эти англичане, образно сказали. Да не о них речь. О вас говорим, Григорий Колотовкин, о вас! У меня ведь теперь и улики есть. Какие? А метки на вдовушкиных вещах. Забыли спороть, а? А я их нашел, вещички-то! И свидетель есть, умный мальчик Николенька, он хоть и не видел ничего толком, а фактики кое-какие сопоставил, а я их у него выведать. И еще кое-что на вас указывает... И пуще всего – дневник ваш. Его я тоже нашел, хотя вы его под половицей спрятали. С большим интересом ознакомился... Много, как классик писал, «дым, туман, струна звенит в тумане», особенно там, где о страдании. Но многое говорит о вас, как о человеке искреннем, даже благородном. А преступление ваше – это вроде помрачения рассудка.

– Я не убивал, – упрямо наклонил голову Гриша.

Петр Романович даже на спинку стула откинулся, так он, казалось, был поражен словами подследственного.

– Побойтесь Бога, гражданин Колотовкин! – вскричал он, совсем некстати помянув Всевышнего. – А кто тогда? И не запирайтесь, вы убили, вы! Больше никому».

– Дивно! – восхитился Юра, прерывая чтение.

– Понравилось? – спросила Нина, выступая из своего закутка.

– Еще бы! Вот так, ничтоже сумняшеся, взять и перелицевать «...».

Глава 5

Самородок

– Понравилось? – спросила Нина, выступая из своего закутка.

– Еще бы! Вот так, ничтоже сумняшеся, взять и перелицевать **«Преступление и наказание»**.

– Творчески переосмыслить! – внушительно поправили Юру.

В дверях громоздился человек-глыба с плечами молотобойца и челюстью боксера. Нина дернула уголок губ, скрылась за стеллажами, и Юра понял, что ему предстоит в одиночку противостоять графоману-плагиатору Леониду Каменному.

– Чем могу служить?

– А прислуживаться не тошно?

Глыба вторглась в кабинет с неотвратимостью мамаева нашествия и грозно нависла над Юрой. Тот посчитал нужным отчеканить в стиле Юлиана Семенова:

– В связях, порочащих честь редактора, замечен не был.

– Не замечен... Не уличен! – презрительно пробухал Каменный. – Отчего же тогда мой роман не понравился? Сделайте милость, ответьте, Камзолкин Юрий свет Максимович. Так, кажется, вас величают? Объяснитесь! Вам это, как заведующему отделом, и по должности положено.

– Я знаком с ним фрагментарно, – не стал кривить душой Юра. – Однако должен признаться, Достоевский в подлиннике мне как-то ближе.

– Вы не понимаете! – человек-глыба возвел очи горе. – В этом треклятом издательстве, лишь по недоразумению благородно именуемом «Фолиант», не понимают элементарных вещей! Ни ваш президент Кочерга, ни этот счетовод Иванов, ни эта пигалица... – он покосился на Нину.

– Я бы попросил выбирать выражения! – вскипел Юра.

– А я прошу вас, юноша, хоть изредка напрягать собственные мозги!

Каменный разошелся не на шутку. Глаза метали молнии. Челюсть все больше выпирала вперед. Именно такими Юра представлял себе татаро-монгольских воителей. Только глаза – щелочками, и вместо шляпы – лисий малахай.

– Достоевский. Ха! – продолжал разоряться восточный владыка. – Для своего времени он был хорош, но кому он сегодня нужен? С его засушенным, как тарань, языком, с его многословием и сантиментами? Если ныне что-то из него и потребно, так это кое-какие идеи. Вот я и доношу их до людей в удобоваримой форме! Я вершу благое дело, мне бы колени за это лобызать, а Кочерга – да не лично, а через секретаршу! – извещает, что мои книги его издательство больше не устраивают. Его издательство! Тот еще барин выискался! – Каменный задохнулся от возмущения.

– Может, вы присядете? – воспользовавшись паузой, сказал Юра. – В ногах правды нет.

– Есть ли она вообще в этих богопротивных стенах? – побагровел человек-глыба. – А вот возьму и сяду!

Хану более приличествует трон. Или на чем они там сидели – на кошмах? На козьих шкурах? Или не сидели, а возлежали? Как бы то ни было, Каменный удовольствовался обычным стулом. Придвинул его к себе и плюхнулся многопудовым телом. Стул жалобно скрипнул.

– Если ваши книги так хороши, – подала голос Нина, – почему выпущенные не расходятся? Читателя не обманешь...

– Пойдите, пойдите, – остановил Юра начавшего было подниматься в гневе хана. – Вы, часом, не Скалов?

– Это мой псевдоним, – с достоинством ответствовала глыба.

– Так это же меняет дело! – искренне обрадовался Юра. – Теперь можно говорить предметно. А то как я мог спорить, аргументировать позицию руководства, если полагал, что знаком только с отрывками из вашего «Достоевского» и вашего «Диккенса»? Его, замечу, я тоже предпочитаю в оригинале. Но поговорим лучше о «Золоте счастья». Эту книгу я читал. А вы, Нина?

– Бегло, – откликнулась девушка.

– Чтобы напомнить, а вам, господин Каменный, доказать, что я имею представление о данном произведении, позволю себе схематично обозначить сюжет.

– Ну, ну, послушаем, – милостиво разрешил татаро-монгол.

Юра подумал: «Откуда в нем столько спеси? Неужели и вправду считает себя талантом-самородком!». Кстати, о самородке весом более килограмма ему сейчас предстояло говорить.

– Итак, в глухой таежной деревушке живет семья: он, она, их маленький сын. Живут трудно, даже голодно, потому как тяжелые времена наастали, людям обычным и порядочным не благоволящие. А герой романа именно таков – честный, добрый, Бога не забывающий. Однажды этот во всех отношениях положительный человек отправляется на речку, чтобы наловить какой-никакой рыбешки. Кормиться-то надо! И вот же удача – попадает ему на крючок жирный хариус. Выуживая его, мужчина оступается и падает в воду. Выбираясь на берег, отворачивает камень и... находит притаившийся под ним самородок. Он таких огромных и не видел никогда, хотя приходилось ему и на приисках, и в старательных артелях вкалывать. Исполненный радужных надежд, он возвращается домой. Ведь что такое для него, для его семьи этот самородок? Будущее без лишений, новая крыша на избе, обновки для жены, наконец, образование для сына, когда тот вырастет. Супруга, однако, не разделяет восторгов мужа. Ей кажется, что золото это... порченное, и ничего, кроме зла и беды, ждать от него не приходится. И верно, стоило прозвать сельчанам о находке, мужчина на радостях сболтнул, как зашевелились и обе власти, что заправляли в деревне, официальная, и подпольная. Вызвали главу семьи в сельсовет: так, мол, и так, сдавай самородок. А он: «Да это я спьяну набрехал! Ничего не находил». Его уламывать, а он ни в какую, потому что решил втихую золото продать, чтобы, значит, больше денег выручить. Отпустили. А вечером бандюги заявили. Эти рассусоливать не стали. «Где золото?». Избили в кровь, а потом день на размышление дали: самородок или жена с дитем – выбирай! Ночью мужчина с женой, сынишку прихватив, пустились в бега. Да только далеко уйти им не дали. Обложили в распадке, в пещеру загнали. Стрелять начали. Шальная пуля в мальчика и угодила. И тогда мужчина подошел к краю обрыва и зашвырнул самородок в реку, в самую стремнину... Будь оно проклято, это золото!

Юра замолчал. Посмотрел на Каменного.

Человек-глыба был недвижим. Лицо по-восточному бесстрастно. Хан!

– Нигде не напутал? – озаботился Юра. – Но ведь это «...»!

Глава 6

Идейные соображения

– Нигде не напутал? – озаботился Юра. – Но ведь это «Жемчужина»!

– И что с того? – взбеленился Каменный, снова превращаясь в предводителя азиатских орд. – Стейнбек-то вам чем не угодил?

– Стейнбека я очень даже почитаю, – обиделся за американского прозаика Юра. – Удивительно современный писатель!

Каменный аж подпрыгнул, что при его внушительных габаритах производило устрашающее впечатление.

– Ошибочка! Современным его делаю я! Обратите внимание, я не взял «Гроздь гнева» или «Благостный четверг», потому что... не актуально!

– Это как посмотреть, – тихо проговорила Нина.

Всемогущий хан сделал вид, что не расслышал, однако повторил с нажимом:

– Не актуально! Я выбрал «Жемчужину», ибо сюжет этот нужен здесь и сейчас – в России конца 90-х. Позарез нужен! – Каменный для убедительности чиркнул ладонью по горлу, и Юра кровожадно пожалел, что в руке человека-глыбы нет кривой половецкой сабли.

– И все же заимствовать чужие творческие находки – как бы это помягче? – несолидно. И обязывает! Как говорят спортсмены, надо держать планку. А она у вас, простите, не на должной высоте.

– Гнусная клевета! Я могу представить десяток отзывов из самых компетентных органов, подтверждающих высокий идейный уровень моих произведений.

– Вообще-то я о другом, – поморщился Юра. – О качестве письма. Впрочем, замнем для ясности, поскольку вы можете выдвинуть встречный иск – в предвзятом отношении. Но вы согласны, что интерес читателей – критерий объективный? А читатели, не покупая ваши книги, голосуют против.

– Против чего? – по-восточному вкрадчиво осведомился татаро-монгол. – Против серьезной литературы, заставляющей думать? Плохого же вы мнения о народных массах, господин Камзолкин. Вы не патриот! Смею вас заверить, что наши люди вовсе не такие уж невежды, в кои вы их зачисляете. А единственная причина, почему мое «Золото счастья» лежит на складах «Фолианта», – отсутствие рекламы. Издательство нисколько не заботится о продвижении книг к потребителям. Сегодня это – нонсенс!

– Другие же расходятся, – как бы между прочим заметила Нина.

– Вы что же, милочка, хотите сказать, что поделки этого бездаря Гуськина пользуются большим спросом, чем мои книги?

Девушка повела бровью:

– Если я что и имела в виду, то уж не это.

– А? Ну, тогда ладно. Мои романы, пусть не шибко, но все-таки торят дорожку к читателю, а его коростой заросли! Плесенью покрылись, так на складах и сгниют. И поделом, ангидрит его валентность! – довольно осклабился то ли хан, то ли хам, то ли химик. – Вот от кого надо избавляться, ни слезинки не пролив, с песней в душе и легким сердцем. Поденщик! А вы знаете, что раньше Гуськин пробавлялся в журналах для малышей, а потом в Детгизе? Теперь вот другую кормушку нашел – и овес погуще, и комбикорм послаще.

– А вы не так давно «деревенской прозой» баловались, – с ехидцей сказала Нина.

– И не полагаю это грехом! Каждому времени свои жанры. Автор обязан откликаться на требования дня! Криминализация государства заставила меня обратиться к детективу. Это,

если хотите, подвижничество, воплощенное в поступок служение обществу, исполнение долга перед ним.

– Подождите, – произнес Юра, порядком уставший от демагогии собеседника. – Пусть так! Но почему вы отказываете господину Гуськину в тех же благородных устремлениях?

– Почему? – побагровел Каменный. – Потому что там гибкость позвоночника и ничего более. Мне тошно от мысли, что кто-то берется издавать опусы этого приспособленца!

– Судьба двух его последних рукописей печальна.

– Наслышан! Это где он «Три мушкетера» перелопатил и сказку Волкова. А вы его роман «На колесах вокруг света» читали?

– Не имел удовольствия.

– Какое там удовольствие... Позорище! Внемлите, молодой человек, и возмутитесь. Задумал некий профессор Московского автодорожного института объехать вокруг планеты всей. Ну, захотелось ему, понимаете? Вот так сидел, сидел, заняться нечем, тогда он сел в свой «москвиченок» и поехал. Приятеля с собой прихватил, чтобы было кому грязную работу выполнять, – парень-то косая сажень в плечах, а вот умишком не вышел. Ничего не напоминает?

– Нет, – признался Юра.

– Покатили они. И приключаются с ними всякие несуразицы: в Норвегии чуть заживо в лесном пожаре не сгорели, в Германии едва в полицию не угодили по собственной глупости. В Англии международный скандал спровоцировали. Товарища себе во Франции подыскали занятия малопочтенного, поддельными сигаретами в порту Кале торговал. Чтобы денег на дорогу раздобыть, пару афер провернули: партию протухшей селедки за высший сорт выдали, а потом в международном ралли обманым путем победили. А там Египет, Африка, Гавайские острова... Тут они с «москвичом» расстались, да и как иначе, за провоз на океанских парамах такие деньги дерут, что впору по миру идти. Ну, не узнаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.